

А.Ю.Суслов

**Постреволюционная история меньшевизма
в оценках социал-демократической эмиграции**

Рассмотрены основные тенденции послеоктябрьской истории меньшевистской партии в оценках ее представителей, оказавшихся в эмиграции; выявлены ключевые сюжеты и различные подходы к вопросам партийной истории.

Ключевые слова: меньшевики, историография, гражданская война, эмиграция.

Становление социал-демократической историографии послеоктябрьского меньшевизма пришлось на годы гражданской войны. В 1920-е гг. активные дискуссии об истории меньшевизма велись в эмиграции, где РСДРП развернула довольно обширную издательскую деятельность. Характерной чертой меньшевизма было наличие в партии значительное количество талантливых публицистов, философов и литераторов. Это предопределило изначально высокий литературный уровень социал-демократической историографии. В то же время идейно-политическая борьба, продолжавшаяся в эмиграции, столкновения партийных и внепартийных группировок наложили серьезный отпечаток на анализ партийной истории. Сказывались и ментальные качества российских социал-демократов. Как отмечает М.И.Смирнова, к ним можно отнести высокую конфликтность деятельности и поведенческой мотивации, отрыв от реальной жизни и абсолютизацию пролетариата в России, замкнутость сознания, стремление к монополии на истину, недопущение инакомыслия, жесткое отстаивание принципов [1, с. 29]. Это особенно заметно в деятельности Заграничной делегации РСДРП, уникального для российской эмиграции явления.

В наиболее целостном виде послеоктябрьская история РСДРП изложена в работах Ю.О.Мартова. Прежде всего, это статья из сборника «Оборона революции и социал-демократия» [2, с. 3–8] и доклад о политике партии в 1918–1919 гг., написанный в 1919 г., но опубликованный частично лишь в 1927 г. в «Социалистическом вестнике». Мартов в сжатом виде осветил основные моменты истории меньшевизма от Учредительного собрания до середины 1919 г. Он отмечал, что РСДРП в период Учредительного собрания считала возможным соглашение между меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и большевиками – с другой на базе немедленного мира и аграрной реформы; в этом случае, по мнению Мартова, Учредительное собрание могло работать вместе с Советами.

После разгона Учредительного собрания меньшевики категорически отклонили все проекты вооруженного сопротивления этому акту в силу того (и в этом, пожалуй, суть политики РСДРП после октября 1917 г.), что нельзя «вести часть пролетариата на вооруженную борьбу с другой частью пролетариата, даже

если эта часть совершает гибельную и преступную ошибку» [3, с. 735]. Мартов пишет, что с этого момента распадается блок между эсерами, избравшими путь вооруженного сопротивления, и меньшевиками, вставшими на путь самостоятельной невооруженной борьбы. Она заключалась в попытках завоевать большинство в переизбираемых Советах, профсоюзах и кооперативах, организации движения рабочих уполномоченных. Меньшевики надеялись, указывает Мартов, что «систематическое давление рабочего класса» заставит большевиков отказаться от диктатуры [3, с. 736].

Крушение этих надежд, выразившееся в разгоне властями оппозиционных Советов и конференций уполномоченных, закрытии газет, арестах (а иногда и расстрелах) логично завершилось известным решением ВЦИК 14 июня 1918 г. об исключении правых эсеров и меньшевиков из Советов всех уровней. Но даже это, по мнению Мартова, не способно было сокрушить оппозиционное движение, если бы не интервенция Антанты, создавшая такое положение, при котором для рабочих и крестьян речь могла идти лишь о выборе между двумя диктатурами – большевистской и генеральской. Социал-демократы, как пишет Мартов, сделали свой выбор – РСДРП объявила, что будет безоговорочно поддерживать борьбу большевиков против внешних и внутренних врагов революции, независимо от своего отношения к принципам и методам их внутренней политики. В итоге, как оптимистично заключает Мартов, меньшевики, несмотря на гонения, сохраняют симпатии значительной части пролетариата [4, с. 324]. Такой подход в общих чертах был характерен для политики официального меньшевизма и после смерти Мартова.

Принципиально иной, в отличие от Мартова, взгляд на историю РСДРП содержится в работах представителей так называемого «правого» течения в меньшевизме – П.Б.Аксельрода, А.Н.Потресова, Ст.Ивановича (С.О.Португейса) и других. После прихода большевиков к власти, а особенно после декабрьского 1917 г. Чрезвычайного съезда РСДРП правые меньшевики фактически стали копировать тактику Мартова в период Временного правительства – бросили вызов ЦК, публично критиковали руководство партии, основывали свои печатные органы. Лидеры правых меньшевиков пытались оспорить право ЦК говорить за всю партию.

Большой резонанс получила деятельность правого меньшевика И.М.Майского, который летом 1918 г. пересек линию фронта и принял пост управляющего ведомством труда в правительстве Комуча. Позже действия Майского были осуждены ЦК меньшевиков, а сам он покинул партию и перешел в 1921 г. к большевикам. Письмо Майского ЦК РСДРП (1918 г.) [5, с. 40–48] и более поздние воспоминания [6] содержат критический взгляд на историю послеоктябрьского меньшевизма. Майский мотивировал свое вхождение в Комуч «интересами пролетариата» и приверженности принципам социал-демократии, которая должна бороться за создание свободной и независимой России. Нейтралитет ЦК РСДРП в ситуации лета 1918 г. Майский считал «трусливым бездействием», полагая, что руководство партии не выполнило свой долг, который состоял в решительной борьбе с большевизмом, подготовке и организации народных восстаний, активной поддержки чехословаков и Комуча.

По поводу действий Майского меньшевистский ЦК в лице Мартова объявил, что Майский принял пост не только без уведомления или одобрения ЦК, но и

в нарушение прямого запрета выступать политически как член ЦК. С другой стороны, правые меньшевики и советские историки доказывали (разумеется, по разным мотивам), что поступок Майского был законным и полностью соответствовал резолюциям партии меньшевиков.

Наиболее последовательно против большевистской власти выступали П.Б.Аксельрод, А.Н.Потресов, группа журнала «Заря» во главе со Ст.Ивановичем, из так называемых «внутрипартийных правых» – П.Я.Гарви. Уже в 1919 г. Аксельрод четко и публично определил свое отношение к большевистскому перевороту, указывая, что большевистская революция была «просто военным заговором», восстанием против социалистической демократии [7, с. 28]. Аксельрод усматривал одну из главных причин успеха большевистской пропаганды на Западе в недостаточной осведомленности о событиях в России и считал необходимым вскрыть подлинную природу большевизма.

Видное место в литературном наследии П.Б.Аксельрода занимает его известное письмо к Ю.О.Мартову, написанное в 1920 г. и опубликованное с сокращениями под заголовком «О большевизме и борьбе с ним» в № 6 и 7 «Социалистического вестника» за 1921 г. [8]. Письмо содержит критику меньшевистского руководства за его отношение к большевистскому режиму, Аксельрод даже сравнил политику партии в борьбе за «демократизацию Советов» с позицией либеральных октябристов в эпоху царистских «уступок» и обратил внимание на противоречие между принципиальной оценкой большевизма и борьбой, которую РСДРП ведет с диктатурой.

Весьма близки взглядам П.Б.Аксельрода были и работы внепартийного меньшевика Ст.Ивановича (С.О.Португейса), который в 1921 г. выпустил в Париже книгу «Сумерки русской социал-демократии» [9] и опубликовал статью «Демократия и социализм» в сборнике «Современные проблемы» с резкой критикой официального меньшевизма. Суть разногласий представителей правого крыла российской социал-демократии с официальным меньшевизмом заключалась, прежде всего, в оценке характера российской революции и политике по отношению к большевистскому режиму. Анализируя «сумерки социал-демократии», Ст.Иванович уже в 1921 г. сумел довольно точно определить причины эволюции российского меньшевизма в сторону «полупризнания» большевизма – причины, которые социал-демократия в целом осознала лишь спустя десятилетия. Речь идет, прежде всего, о давлении идеи мировой социальной революции, в близость которой верили многие социалисты; признание социальных завоеваний большевистской диктатуры и, таким образом, – возможность построения в России социалистического общества; ожидание демократизации советского общества; наконец, боязнь в случае свержения большевизма прихода к власти «реакционных элементов».

И.Х.Урилов отмечает, что работы Аксельрода о большевистской власти в России следует считать началом зарубежной социал-демократической историографии с ее «все более определенным антисоветизмом». Даже те, кто до эмиграции поддерживал Мартова, как пишет Урилов, оказавшись вне пределов России, стали на точку зрения Аксельрода [10, с. 160]. Однако как быть с позицией Ф.И.Дана, главы Заграничной делегации РСДРП с 1923 г., и его единомышленников? Известно, что Дан считал возможной эволюцию советского режима в сторону демократии, выступал за синтез идей социализма и коммунизма. В течение

1920-х гг. в «официальном» эмигрантском меньшевизме превалировала «линия Мартова», отраженная в платформе 1924 г.: борьба с «большевистским утопизмом» и поддержка большевистской власти против общих классовых врагов. Более того, Заграничная делегация негативно относилась к попыткам анализа партийной истории на страницах «Социалистического вестника» и приняла 7 октября 1922 г. на этот счет специальное постановление: «статей, посвященных специально критике позиций партийных течений в прошлом, не помещать». В письме в Бюро ЦК РСДРП 19 октября Заграничная делегация пыталась обосновать это весьма далекое от демократии и меньшевистских традиций решение необходимостью объединения партийных сил в России. В итоге «Социалистический вестник» на протяжении 1920–1930-х гг. фактически не помещал дискуссионных материалов по послеоктябрьской истории партии, а состав авторов журнала практически исключал возможность выступления в нем даже внутривнутрипартийных правых, не говоря уже об А.Н.Потресове и Ст.Ивановиче. Едким фельетоном «Мартов и Абрамович» откликнулся на статьи «Социалистического вестника» известный русский писатель А.Т.Аверченко.

Редким примером критики партийного прошлого стала статья Г.Кучина (Оранского), который отмечал, что в годы гражданской войны «партия говорила лишь об «ошибках власти»: если бы, мол, не было этих досадных ошибок, то укрепление социалистических элементов в хозяйстве и господство рабоче-крестьянской власти было бы обеспечено» (...) эта утопия об идеальной рабоче-крестьянской демократии, которую портят ошибки неосторожных большевиков, все больше пропитывала психологию партийной позиции» [11, с. 14].

Идеи правого меньшевизма получили выражение на страницах двухнедельного журнала «Заря», который издавала в Берлине с апреля 1922 г. до февраля 1925 г. (всего вышло 34 номера) группа социал-демократов – А.Байкалов, П.Богомил, С.Загорский, Ст.Иванович, С.Ингерман, Л.Исаев, Д.Шуб и другие. Редакционная статья «Кто мы?», опубликованная в № 1 «Зари», говорила о сотрудниках журнала как социал-демократах, целью которых является «социалистическая демократия». Борьба с большевизмом и борьба против идеи соглашения с большевизмом, выдвинутой ЦК РСДРП – вот основные задачи и кредо журнала. Идейнными символами «Зари» провозглашались Г.В.Плеханов и А.Н.Потресов. Рецензент (скорее всего, М.В.Вишняк) первых номеров «Зари» в «Современных записках» отметил, что этот журнал стал здоровой реакцией «против идей и нравов, укоренившихся в официальных органах российской социал-демократии» [12, с. 367]. Тем не менее, А.Н.Потресов не принимал участие в «Заре» – во-первых, потому что эмигрировал из Советской России (февраль 1925 г.) в момент, когда «Заря» почти прекратила свое существование; во-вторых, А.Н.Потресов рассчитывал на участие в работе Заграничной делегации РСДРП, надеясь обрести поддержку «внутрипартийных правых».

Определенным этапом в развитии идей правого меньшевизма стала брошюра А.Н.Потресова «В плену у иллюзий», опубликованная в 1927 г. Она, как справедливо отметил А.П.Ненароков, «...устанавливала новую, более высокую планку теоретического осмысления прошлого, настоящего и будущего российской социал-демократии» [13, с. 524]. Потресов подробно рассмотрел эволюцию теоретических воззрений и практической политики российских меньшевиков в

послеоктябрьский период, особо остановившись на анализе партийных платформ РСДРП 1920 и 1924 годов. Идеология меньшевизма, четко выраженная Мартовым в «апрельских тезисах» 1920 г. («со свойственным ему талантом», – отмечает Потресов), свои истоки ведет от уникальной исторической ситуации, сложившейся в России. Гражданская война в момент составления тезисов представлялась социал-демократам естественным началом мировой революции, поэтому была «стерта грань» между традиционной марксистской идеей диктатуры пролетарского большинства и большевистской диктатурой, ставшей искаженным ее воплощением. В силу этого у меньшевиков оформляется представление о большевизме как представительстве социалистического пролетариата, которому можно «чинить оппозицию», но против которого «нельзя восставать».

В итоге меньшевизм был поражен «раздвоением идеологии» – несовместимостью конкретных и точных оценок большевистского режима с надуманными выводами, сводившимися к «последовательному нарастанию сил трудящихся» и «демократической ликвидации диктатуры». Этот процесс продолжался и в эмиграции; впрочем, правое течение в меньшевизме также не отличалось единством.

Свои взгляды А.Н.Потресов развивал в журнале «Записки социал-демократа» (1931–1934 гг., вышло 23 номера), который издавался в Париже и финансировался группой социал-демократов из США (С.М.Ингерман, Я.М.Джеймс и другие). Это было издание небольшого формата и объема (34 с.), в каждом номере публиковалось не более 4–5 статей. Постоянными авторами были А.Н.Потресов и Ст.Иванович.

Трудно согласиться с утверждением А.П.Ненарокова и П.Ю.Савельева, что «было время, когда «Заря» и «Записки социал-демократа» пользовались в эмигрантской среде большей популярностью, чем официальный печатный орган РСДРП «Социалистический вестник» [14, с. 81]. «Заря» и «Записки социал-демократа» не могли соперничать с «Социалистическим вестником» в 1920-е– начале 1930-х гг. ни по тиражу, ни по финансированию, ни по широте источников информации, ни по влиянию в немногочисленной эмигрантской меньшевистской среде. Однако эти издания, как и брошюра А.Н.Потресова «В плену у иллюзий», помогли идейному оформлению правого меньшевизма и в какой-то степени предвосхитили эволюцию РСДРП в эмиграции.

Заграничная делегация все же восприняла взгляды правых меньшевиков, однако этот процесс затянулся на десятилетия. Социал-демократы вынуждены были с горечью признать ошибочность своих трактовок большевистской диктатуры. Так, Д.Ю.Далин писал, что «все представления, связанные с эволюцией большевизма, оказались неправильны, по крайней мере, до сих пор, а построенная на них тактика не привела ни к чему». Наиболее резко высказался Б.И.Николаевский: «Ошибочной была и вся вообще меньшевистская трактовка большой проблемы путей развития русской революции». Изменения взглядов показательны по отношению к наследию Ф.И.Дана: политический разлад со своими коллегами по эмиграции, которые упрекали его в предательстве центральных идей и ценностей русской социал-демократии, был настолько принципиален, что они по возможности желали устранить его имя из истории меньшевизма. В 1966 году, т.е. через два десятка лет после смерти, предложение вдовы П.Гарви принять в запланиро-

ванный сборник избранных статей «Социалистического вестника» также статьи Ф.И.Дана, натолкнулось на жесткий отказ.

В 1959 г. стартовал Межуниверситетский проект по изучению меньшевизма, инициаторами которого выступили Б.И.Николаевский и американский историк Л.Хеймсон. В 50–60-х гг. возглавляемая Л.Хеймсоном группа исследователей провела и записала серию бесед с меньшевиками-эмигрантами, одновременно предложив им написать автобиографии, воспоминания и статьи. Собранные материалы вошли в специальный архив по истории меньшевизма, созданный в Гарримановском институте Колумбийского университета (США), а результаты проведенной работы явились основой для публикации серии исследований, сборников воспоминаний и статей. Старейшины меньшевистского движения, как отмечает Л.Хеймсон, начали этот проект, сознавая, что их время как политического движения подходит к концу и необходимо обозреть историю партии меньшевиков уже как исторический опыт.

Участники меньшевистского проекта – особенно Б.Николаевский, Г.Аронсон и Д.Далин – попытались дать целостную характеристику послеоктябрьскому меньшевизму, опираясь на официальные партийные документы, периодику, исследования, в том числе и советские, письма и, безусловно, личные впечатления. Насколько это им удалось – вопрос довольно сложный. Безусловно, личные политические симпатии и антипатии авторов нашли отражение в работе. Л.Хеймсон вспоминал, что на собраниях участников проекта происходили «ультрадраматические конфликты, потому что одни из меньшевиков были бывшими «оборонцами», другие – бывшими «интернационалистами» или кем-то еще. Это оставалось для них очень важным...». С другой стороны, значительное количество источников, в частности, по истории местных партийных организаций в годы гражданской войны, оставалось для участников проекта совершенно недоступным.

«Меньшевистский проект» не был завершен, но к началу 1990-х гг. усилиями ветеранов меньшевизма и зарубежных историков был собран и обобщен солидный материал по истории российской социал-демократии. Частично он был опубликован, частично систематизирован в нескольких исследовательских центрах. В 1968 и 1992 гг. появились весьма подробные библиографические указатели меньшевистской литературы. Все это стало основой для дальнейших совместных исследовательских проектов российских и зарубежных историков, развернувшихся уже в новых общественно-политических условиях. Вряд ли поэтому корректно замечание Е.В.Журавлевой о том, что «...западной историографии так и не удалось ответить на вопрос о причинах гибели меньшевиков» [15, с. 199]. На этот вопрос не ответила и советская историческая наука; существенно приблизилась к его пониманию, хотя не до конца, современная историография. Видимо, проблемы такого рода осмысляются каждым поколением исследователей и не могут быть решены окончательно. Заслугой зарубежных историков 1960–1990-х гг. стало создание прочного фундамента истории меньшевизма, мощной исследовательской традиции, без которой вряд ли была бы возможна реализация масштабного современного проекта по публикации документального наследия российской социал-демократии и целого ряда других работ.

Эволюция социал-демократической историографии была связана с изменением самого меньшевизма после Октябрьской революции. Критика меньше-

виками большевиков вызывалась не принципиальным отказом от идеи социалистической революции вообще, а убеждением в том, что большевики, форсируя социалистическую революцию в отсталой стране, могут спровоцировать контрреволюцию и восстановление старого порядка. Поэтому меньшевики рассматривали большевистскую диктатуру как меньшее зло на фоне этой перспективы. В то же время ряд видных меньшевиков (П.Б.Аксельрод, А.Н.Потресов и другие) с самого начала расценили захват большевиками власти и ликвидацию демократии как подлинную контрреволюцию. Они заложили основы правого течения внутри меньшевизма. Последним крупным актом «политического существования» российских социал-демократов в эмиграции стал научный «Меньшевистский проект».

Таким образом, история социал-демократии нашла своеобразное отражение в работах самих меньшевиков – от полемических брошюр эпохи гражданской войны и нэпа до попыток создания в эмиграции академической истории своей партии. Разрозненным и вытесненным из России социалистам было не под силу конкурировать с советской государственной пропагандистской машиной. Эсеры и меньшевики оказались в положении проигравших, в значительной мере они лишь реагировали на репрезентации большевиков. Их произведения не обладали всеми достоинствами революционной риторики о героической борьбе и страданиях трудового народа, которую так удачно использовали большевики. Тем не менее, тактический успех большевистской пропаганды не означал исторического поражения социалистических партий в спорах о судьбах демократии и социализма в России.

Список использованных источников

1. Смирнова М.И. Новое в историографии российской социал-демократии // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. – М., 2006.
2. Мартов Ю.О. Линия социал-демократии // Оборона революции и социал-демократия: Сб. ст. – М., 1920.
3. Меньшевики в 1918 году: Сб. док. – М., 1999.
4. Меньшевики в 1919–1920 гг.: Сб. док. – М., 2000.
5. Меньшевики в советской России: Сб. док. – Казань, 1998.
6. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – М., 1923.
7. Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму? (Большевики и социальная демократия в России). – Нью-Йорк, 1919.
8. Ненароков А.П. История одного письма. Политическое завещание Павла Аксельрода. – М., 2008.
9. Иванович Ст. Сумерки русской социал-демократии. – Париж, 1921.
10. Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). – Ч. 2. Историография. – М., 2001.
11. Кучин (Оранский) Г. От старого к новому // Социалистический вестник. – 1923. – № 1.
12. М.В. [Рец. на журн.]: Заря: Орган социал-демократической мысли. – Берлин, 1922. – № 1–5 // Современные записки. – 1922. – Кн. XII. Критика и библиография.

13. Ненароков А.П. Послеоктябрьский меньшевизм // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М., 2005.
14. Ненароков А.П., Савельев П.Ю. Зарубежные группы и организации российских социал-демократов // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. – М., 2009.
15. Журавлева Е.В. Американско-английская историография о меньшевиках 1917–1922 годов: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000.